

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХС.

1893.

ДЕКАБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°, Наб. Екатеринин. кан., № 80.

1893.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ 23

И. Н. Ждановъ. Василий Буславичъ и Волкъ Восславевичъ
(продолженіе) 199

Ф. И. Леонтовичъ. Очерки исторіи литовско-русскаго права (продолженіе) 259

В. И. Модестовъ. Записки по Тацитѣ 327

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

С. Ф. Орловскій. Энеида Виргилія. Переводъ Н. Кошмичъ-Самаринъ. С.-Пб. 350

Ф. И. Успенскій. Византина. Очерки, матеріалы и записки по византийскимъ древностямъ. Книга II. Съ таблицами и планами. Д. Ф. Бялскаго. С.-Пб. 1893. 364

А. А. Павловскій. Τὰ ἐν Ἀκροπόλει ἀγάλματα κορὼν ἀρχαϊκῆς τέχνης. Θεμιστοκλῆς Σοφοῦλης. Ἐν Ἀθήναις. 1892. 379

Н. П. Кондаковъ. А. Л. Вертье-Делавардъ. Древности Южной Россіи. Раскопки Херсонеса. С.-Пб. 1893 388

А. М. Ону. П. Соколовъ. Церковная реформа императора Юсіфа II. Саратовъ. 1892 397

— Книжныя новости 410

— Наша учебная литература (разборъ 9 книгъ) 15

СОВРЕМЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ.

— Наши учебныя заведенія: Кавказскій учебный округъ въ 1891 году (окончаніе) 106

Л. Л.-ръ. Письмо изъ Парижа 140

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Вал. В. Майковъ. Эпиграммъ Пиндара въ честь Аркесилая Киринскаго (продолженіе). 97

С. А. Жебелевъ. Женская голова изъ Аргооскаго Иреона 111

Редакторъ В. Васильевскій.

(Вышла 4-ю декабря).

ЗАМѢТКИ ПО ТАЦИТУ.

1.

Новое изданіе „Лѣтописи“ (Annales).

Подъ заглавіемъ „Замѣтки по Тациту“ автору нижеслѣдующихъ строкъ хотѣлось бы отъ времени до времени помѣщать въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* небольшіе этюды, касающіеся въ томъ или другомъ отношеніи произведеній Тацита, на сколько они вызываются болѣе или менѣе крупными явленіями текущей литературы по данному предмету. Произведенія великаго римскаго историка не перестаютъ выходить въ свѣтъ все въ новыхъ и новыхъ, иногда очень важныхъ, изданіяхъ, и имъ посвящаются все новыя и новыя, иногда очень крупныя, изслѣдованія. Предметомъ этихъ изслѣдованій служатъ то рукописи, въ которыхъ дошли большія и малыя его сочиненія, то источники, которыми онъ пользовался при составленіи своихъ трудовъ, то особенности его языка въ лексическомъ, грамматическомъ и стилистическомъ отношеніяхъ, то вліянія другихъ писателей, дѣйствовавшихъ на образованіе тацитовскаго словоупотребленія и стила, то политическая, философская, нравственная и литературная стороны безсмертныхъ твореній римскаго историка, то установленіе и объясненіе текста этихъ послѣднихъ. Между тѣмъ въ нашей учебной литературѣ эти многочисленныя труды европейскихъ ученыхъ, не смотря на то, что они относятся къ первостепенному писателю, почти никогда не вызываютъ обсужденія и обыкновенно даже не обращаютъ на себя вниманія. Можно подумать, что великій историкъ, котораго такъ охотно изучали наши ученые въ прежнее время, совсѣмъ не пользуется сочувствіемъ наличнаго состава русскихъ филологовъ. Нѣкоторое движеніе въ сторону Тацита, вызванное—если мнѣ будетъ позволено на это указать—моимъ переводомъ его произ-

веденій (С.-Пб., 1886—1887) и вскорѣ затѣмъ совершенно остановившееся, показало, что среди новаго поколѣнія русскихъ филологовъ, которое выступило намъ на сцену, совсѣмъ нѣтъ специалистовъ по изученію Тацита въ какомъ бы то ни было отношеніи.... Во всякомъ случаѣ мнѣ кажется, что заводить по временамъ рѣчь о Тацитѣ, говорить о выдающихся явленіяхъ текущей ученой литературы по его изученію не будетъ съ моей стороны трудомъ напраснымъ и далекимъ отъ дѣйствительныхъ потребностей русской науки.

Первымъ нашимъ этюдомъ должна быть рѣчь о новомъ изданіи *Лѣтописи* (Annales) Тацита, принадлежащемъ англійскому ученому и вышедшемъ подъ заглавіемъ: *Cornelii Taciti Annalium ab excessu divi Augusti libri. The Annals of Tacitus edited with introduction and notes by Henry Furneaux, M. A. (magister artium). Vol. I. Books I—VI. Oxford, 1884. Vol. II. Books XI—XVI, with a map. Oxford, 1891 (at the Clarendon Press).*

Я начинаю съ труда г. Генри Фюрно, во первыхъ, потому, что это самый крупный трудъ по Тациту, явившійся въ послѣднюю четверть столѣтія, а во вторыхъ, потому, что онъ обратилъ на себя наименьшее вниманіе въ русской ученой литературѣ. Если взять во вниманіе то обстоятельство, что, съ одной стороны, этимъ капитальнымъ изданіемъ главнаго произведенія Тацита до сихъ поръ не занаслось ни одно наше большое книгохранилище (ни университетская, ни Императорская публичная бібліотека, ни бібліотека Академіи наукъ), а съ другой стороны, на него не было указаній ни въ *Журналь Министерства Народнаго Просвѣщенія*, ни въ *Филологическомъ Обзорнѣ*, то-есть, въ изданіяхъ, въ которыхъ по преимуществу, если не исключительно, отражается филологическое движеніе въ Россіи, то можно даже думать, что ни одинъ изъ нашихъ филологовъ, не исключая и тѣхъ, которые писали рецензій на мой переводъ Тацита (на сколько онѣ попадали мнѣ на глаза), еще не ознакомился de visu съ этимъ изданіемъ. Наши филологи любятъ изданія пѣмецкія и обыкновенно съ ними имѣютъ дѣло въ своихъ работахъ, изрѣдка пользуются французскими и почти никогда англійскими, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда объяснительнымъ англійскимъ изданіямъ, какъ, на примѣръ, изданіямъ Персія и Ювенала, принадлежитъ неоспоримое первенство среди всѣмъ другими новыми изданіями. Изданіе *Лѣтописи* Тацита, сдѣланное Фюрно, безспорно, послѣ Ниппердеева изданія, составившаго эпоху въ изученіи Тацита, есть самое важное изданіе нашего времени. Если Ниппердееву изда-

нію принадлежитъ авторитетъ труда первостепеннаго филолога, умѣннаго послѣ столькихъ славныхъ предшественниковъ проявить мощную самостоятельность въ комментарий и придавшаго своему труду руководящее значеніе почти на цѣлыхъ полстолѣтія, то изданіе Фюрно по обилію, разнообразію, полнотѣ, свѣжести и тщательной обработкѣ ученаго матеріала, по широтѣ, обстоятельности и цѣлесообразности объясненій является въ наши дни незамѣнимымъ и единственнымъ. Всѣ эти качества его миѣ пришлось хорошо испытать при переводѣ первыхъ шести книгъ *Лѣтописи*: нѣтъ въ этихъ книгахъ, составляющихъ первый томъ изданія Фюрно, ни одного затруднительнаго мѣста, гдѣ бы роскошный комментарий англійскаго филолога оставилъ меня безъ помощи, и я глубоко сожалѣлъ, что былъ лишень его драгоценной поддержки при переводѣ остальныхъ книгъ *Лѣтописи*, такъ какъ второй томъ его изданія сильно запоздалъ своимъ выходомъ, появившись въ свѣтъ почти ровно восемью годами позже перваго.

Особенность изданія Фюрно заключается въ томъ, что оно не оставляетъ ни одного вопроса, поднимаемаго *Лѣтописью* Тацита, безъ разъясненія. На первый планъ выступаютъ при этомъ „Введенія“, которыми англійскій филологъ сопровождаетъ оба тома своего изданія и которыми онъ создаетъ такую блестящую обстановку творенію великаго римскаго историка, о какой намъ изданія нѣмецкихъ ученыхъ не могутъ дать и приблизительнаго представленія. Оба введенія составляютъ вмѣстѣ 299 страницъ (150 + 149), то-есть, имѣютъ размѣръ цѣлой ученой книги, и содержатъ въ себѣ не только все то, что служитъ содержаніемъ всякихъ введеній или предисловій къ изданіямъ древнихъ авторовъ, именно біографію писателя, характеристику его сочиненій, особенности его языка и стилия, но и то, безъ чего нѣмецкія изданія обыкновенно обходятся. Это будетъ видно, если мы укажемъ на отдѣльныя главы „Введеній“ Фюрно къ тому и другому тому изданія *Лѣтописи*.

Первая глава „Введенія“ къ первому тому (стр. 1—7) говоритъ о жизни и сочиненіяхъ Тацита и о медичейской рукописи (Cod. Med. I), единственной, въ которой дошли первыя шесть книгъ *Лѣтописи*. Во *второй* главѣ рѣчь идетъ о подлинности *Лѣтописи* (стр. 7—10). Разсужденіе объ этомъ предметѣ, котораго обыкновенно не касаются введенія къ Тациту, Фюрно счелъ нужнымъ поднять въ виду появившагося въ 1878 г. въ Лондонѣ трактата, приписывавшаго *Лѣтописи* перу Поджо Браччолини, ученаго XV столѣтія. Предметомъ *третьей* главы (стр. 10—19) послужилъ вопросъ объ источникахъ

свѣдѣній, какими могъ располагать Тацитъ для этого періода, и о цѣнности, какую могъ имѣть каждый изъ нихъ для историка. Здѣсь послѣ писателей, обыкновенно указываемыхъ въ исторіи римской литературы, куда относятся авторы какъ историческихъ сочиненій, такъ и мемуаровъ (между прочимъ, Тиберія, Клавдія и Агриппины Младшей), указываются *acta senatus* (иначе *acta patrum, commentarii senatus*), *acta populi* (*acta, acta publica, acta diurna urbis, diurna actorum scriptura, diurna populi Romani, libri actorum*), *commentarii principum*, кабинетскій журналъ императоровъ, изъ котораго можно было познакомиться съ секретной исторіей доносовъ, игравшихъ такую роль съ самаго начала имперіи ¹⁾, общественныя надписи (или, правильнѣе, надписи на общественныхъ памятникахъ), которыхъ въ то время было огромное количество, наконецъ преданіе, то-есть, разказы лицъ, старшихъ возрастомъ, на которые Тацитъ иногда прямо ссылается (App. III, 16), и ходившіе въ народѣ слухи, которые нашъ историкъ перѣдко сообщаетъ своимъ читателямъ, иногда, впрочемъ, прямо указывая ихъ несостоятельность (App., IV, 10—11). Особую главу, *четвертую* (стр. 19—28), авторъ посвящаетъ интересному вопросу о томъ, какъ Тацитъ пользовался своими матеріалами, и какое вліяніе имѣли его идеи и мнѣнія на его манеру историческаго повѣствованія. Здѣсь онъ прежде всего обращаетъ вниманіе на цѣль, какую себѣ поставилъ Тацитъ, принимаясь за исторію. Извѣстное мѣсто *Литотисы* (III, 65), гдѣ великій историкъ объявляетъ главною задачею своего труда, *ne virtutes sileantur utque pravis dictis factisque ex posteritate et infamia metus sit*, даетъ англійскому филологу основаніе объявить этой цѣлью „возвышеніе общественной нравственности“. Далѣе онъ говоритъ о философскихъ взглядахъ Тацита и его фаталистической теоріи, объ его усиліяхъ добиться истины и сохранить безпристрастіе, о тенденціозности, въ которой упрекаютъ *Литотисы*, объ общихъ недостаткахъ римской исторической критики, о политическихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ Тацита, о вліяніи на него сатирической тенденціи его вѣка. *Пятая* глава подробно (стр. 29—62) трактуетъ о синтаксисѣ и стилѣ Тацита, при чемъ обращается специальное вниманіе на *Литотисы*. Авторъ старается выяснитъ не только особенности языка и слога, принадлежащія исключительно Та-

¹⁾ Только доступъ къ этому источнику былъ очень труденъ, какъ видно и изъ отвѣта Домиціана, еще не государя, на вопросъ о допущеніи къ нему сенаторовъ. Tac. *Hist.* IV, 40.

циту, но и наиболѣе замѣчательныя изъ грамматическихъ и стилистическихъ явленій, которыя, хотя они были усвоены еще прежними писателями, употреблялись однако Тацитомъ съ особенною смѣлостью и свободой.

Послѣ этихъ предварительныхъ трактатовъ, которыми англійскій ученый готовится читать читателя съ литературной стороны къ чтенію Тацита, онъ старается ввести его въ политическую обстановку повѣствованія *Литтописи* и начинается трактатомъ (глава *шестая*, стр. 62—84) о конститудіи установленнаго Августомъ принципата. Главнымъ пособіемъ для этой работы служилъ автору II томъ Моммзенова „*Römisches Staatsrecht*“; но авторъ широко пользуется при этомъ своимъ знакомствомъ съ древними писателями и надписями, начиная съ главной изъ нихъ—*Monimentum Ancyranum*, которую онъ предпочитаетъ называть „*Marcom Ancyranum*“. За этимъ слѣдуетъ также большая глава, *седьмая* (стр. 85—111), гдѣ рѣчь идетъ объ общей администраціи и положеніи римскаго міра, то-есть, Рима, Италіи и провинцій, въ моментъ смерти Августа и въ продолженіе принципата Тиберія. Сюда вошли результаты трудовъ Марквардта (*Römische Staatsverwaltung*) и Фридендера (*Sittengeschichte Roms*). Входя, наконецъ, какъ бы въ самый разказъ Тацита, авторъ даетъ новую главу, *восьмую* (стр. 112—137), которую озаглавливаетъ: „Объ оцѣнкѣ у Тацита характера и личнаго правленія Тиберія“, и въ которой разсматриваетъ жизнь Тиберія по Тациту, раздѣляя ее, сообразно съ историкомъ, на пять періодовъ, излагаетъ свидѣтельства о немъ другихъ древнихъ авторовъ и дѣлаетъ свое заключеніе. Какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, онъ беретъ во вниманіе литературу предмета, изъ которой онъ, не желая повторять имена указанныхъ у Ниппердея писателей, поименовываетъ только: проф. Beesly „*Catiline, Clodius and Tiberius*“ („London, 1878),—книгу, представляющую собой, по его словамъ, сильную защиту Тиберія, Исторію Дюрюи, уже не такъ похваляющаго преемника Августа, неблагоклонную къ нему извѣстную книгу Гастона Буассье „*L'opposition sous les Césars*“ и рѣзкую въ своихъ нападкахъ еще болѣе извѣстную книгу Шампаньи „*Les Césars*“, но въ то же время рѣшительно заявляетъ о своемъ самостоятельномъ сужденіи, которое не въ пользу Тиберія. Оканчивается „Введеніе“ (глава *десятая*, стр. 137—150) изложеніемъ генеалогіи фамиліи Августа и кесарей Клавдіева дома, съ двумя таблицами и примѣчаніями къ нимъ.

Одинаковой величины и „Введеніе“ ко второму тому *Литтописи*

(149 стр.). Оно состоитъ изъ пяти главъ, изъ которыхъ *первая* (стр. 1—5) говоритъ о рукописяхъ, передавшихъ намъ вторую половину сохранившейся части *Литотиси*, то-есть, послѣднія шесть ея книгъ, хотя она и озаглавляется такъ: „О текстѣ этихъ книгъ и о второй Медицейской рукописи“. Авторъ сообщаетъ, что матеріалъ для этой главы ему доставили, главнымъ образомъ, предисловіе Байтера ко 2-му изданію Орелли и предисловіе Риттера къ его изданію 1864 г. О какомъ либо самостоятельномъ сличеніи рукописей онъ не упоминаетъ. *Вторая* глава (стр. 5—14) посвящена краткому изложенію событій, о которыхъ было разказано Тацитомъ въ потерянной части середины *Литотиси*, именно съ конца ея VI книги до начала XI-й. Авторъ излагаетъ главные событія этого времени по консульствамъ, начиная съ 16-го марта 790 (87 г. по Р. Хр.), то-есть, со дня вступленія въ управленіе Калигулы, до начала 800 г. (47 г. по Р. Хр.), то-есть, до седьмого года правленія Клавдія или, точнѣе, до того его момента, когда, по интригамъ Мессалины, начался политическій процессъ противъ Валерія Азіатика. Обзоръ этотъ составленъ на основаніи свѣдѣній, сообщаемыхъ Светоніемъ, Діономъ Кассіемъ, Юсифомъ Флавіемъ и Филономъ, при чемъ, разумѣется, взяты во вниманіе новыя изслѣдованія, изъ которыхъ авторъ специально указываетъ на изслѣдованіе Лемана о Клавдіѣ: *Claudius und seine Zeit* (Leipzig., 1877). Въ *третьей*, самой большой главѣ (стр. 14—95) разсматриваются взгляды Тацита на характеръ и правленіе Калигулы, Клавдія и Нерона. Все это изложено съ обычною у автора обстоятельностью и съ полнымъ знакомствомъ какъ съ данными, оставленными древностью, такъ и съ новыми изслѣдованіями. Изъ общихъ сочиненій новаго времени особенно часто цитуются Мериваль, Моммзенъ (5-й томъ *Исторіи*), Фридендеръ („*Sittengeschichte*“) и Марквардтъ („*Staatsverfassung*“); изъ специальныхъ—упомянутое сочиненіе Лемана (для времени Клавдія) и Герм. Шиллера (для времени Нерона): *Geschichte des Römischen Kaiserreichs unter der Regierung des Nero* (Berl. 1872). Вездѣ авторъ входитъ въ оцѣнку спорныхъ извѣстій, старается разъяснить встрѣчающіеся на дорогѣ темные пункты и опредѣлить степень достовѣрности повѣствованія великаго историка. Наконецъ, такъ какъ на время Клавдія и Нерона падаютъ большія войны на Востокѣ, именно въ Арменіи, гдѣ римская политика столкнулась съ парянскимъ могуществомъ, и завоеваніе Британіи, то англійскій издатель Тацитовой *Литотиси* счелъ удобнымъ снабдить „Введеніе“ ко второму тому еще двумя главами—чет-

вертою (стр. 96—126), въ которой рѣчь идетъ объ отношеніяхъ Рима къ Парсіи и Арменіи со времени Августа до смерти Нерона, и *пятою* (стр. 126—149), которая прямо озаглавляется „Римское завоеваніе Британіи при Клавдіѣ и Неронѣ“. При обработкѣ первой изъ нихъ, авторъ, кромѣ V тома Исторіи Моммзена, имѣлъ подѣ руками книгу Раулинсона: „Sixt great oriental Monarchy“ (Lond. 1873), изслѣдованіе Эгли „Feldzüge in Armentien“, напечатанное въ I томѣ „Untersuchungen zur Römischen Kaisergeschichte“ Бюдингера и служившее автору для хронологіи и географіи походовъ Корбулона, и трудъ проф. Перси Гарднера „Numismata orientalia“ (Lond. 1877), оказывавшій ему важныя услуги относительно хронологіи парояцескихъ царей. Въ послѣдней главѣ, представляющей исторію отношеній Рима къ Британіи отъ смерти Юлія Кесаря до времени Клавдія, ходъ завоеванія при Клавдіѣ и Неронѣ и положенію провинціи въ концѣ Неронова времени автору, кромѣ V тома Моммзеновой Исторіи, служили больше другихъ трудовъ: Гюбнера „Das Römische Heer in Britannien“ (*Hermes*, XVI, 1881), его же примѣчанія къ VII тому *Corpus inscriptionum latinarum*, содержащему въ себѣ британскія надписи, и Rhys'a „Celtic Britain“ (London, 1882).

Этотъ рядъ помѣщенныхъ во „Введеніяхъ“ къ тому и другому тому отдѣльныхъ этюдовъ, которыми англійскій филологъ старался подготовить читателя къ чтенію *Лютотиси* Тацита, представляетъ своего рода бібліотеку, куда изучающій Тацита можетъ обращаться для знакомства какъ съ фактическими данными, такъ и съ положеніемъ въ наукѣ по данному предмету вопросовъ, его интересующихъ.

Теперь перейдемъ къ тексту Тацита.

Текстомъ какъ для перваго, такъ и для втораго тома *Лютотиси* послужилъ Фюрно текстъ изданій Гальма (Leipz. 1877, 3-е изд., и 1883, 4-е изд.). Отступленія отъ Гальмова текста въ первомъ томѣ незначительны. Такихъ мѣстъ всего шесть: I, 11,1: *varia edissererat* вм. *varie dissererat*; II, 43,5 *insectandi* вм. *insectari*; IV, 12,6 *atque haec* вм. *agitque haec*; 71,5 *opperiretur* вм. *aperiretur* (какъ и въ рукописи); VI, 11,5 *viginti per annos* (какъ въ рукописи) вм. *quindecim per annos*; 12,2 *per magistros* вм. *per magistrum*. Но въ трехъ изъ этихъ случаевъ (во 2-мъ, 3-мъ и 6-мъ) 4-е изданіе Гальма даетъ текстъ уже согласно исправленію англійскаго издателя. Во второмъ томѣ несогласій съ текстомъ Гальма гораздо больше (въ 32-хъ мѣстахъ). Мѣста несогласія слѣдующія: XI, 24,11 *plebeji* вм. *plebei*, какъ 2-я медичейская рукопись; XII, 25,3 *in eundem... modum* вм.

eundem in... modum; 31,2 + cunctaque castris Antonam et Sabrinam fluvios в. cunctaque castris Avonam *inter* et Sabrinam fluvios; 32,2 in Decangos в. in Ceangos; 44,5 potentiae promptum, какъ Липсій, Орелли и Риттеръ, в. potentiae promptae, что ближе къ медичейской рукописи (prompte); 60,3 proinde в. perinde; 68,2 dolore victa в. dolore evicta; XIII, 17,2 plerique etiam, какъ и медичейская рукопись, в. plerique tamen, какъ Гейнзій; 21,3 proinde в. perinde; 21,9 nec de beneficiis, какъ Ниппердеи, в. nec beneficiis; 34,5 illud magis в. illud magis *ut*; 47,4 proinde в. perinde; 56,6 hostes, in alieno в. hostes in alieno; XIV, 7,2 quos expurgens statim acciverat incertum an в. quos statim acciverat, incertum, experiens an; 10,5 poenas в. poenam, какъ медичейская рукопись; 26,3 pars Armeniae в. partes Armeniae; 31,4 Trinovantibus в. Trinobantibus; 40,4 sociis в. ascitis; 43,4 ut quem в. at quem; 56,6 gravioribus jam ludibriis в. gravioribus tum ludibriis; 60,6 his... tamquam Nero paenitentia flagitii в. his... Nero, tamquam paenitentia flagitii; XV, 9,1 ballistis в. ballistis, какъ медичейская рукопись; 21,3 et maneat provincialibus potentiam suam tali modo ostentandi в. et maneat provincialibus jus potentiam suam tali modo ostentandi; 28,2 Corbuloni non vitatus в. Corbuloni non vitavit; 43,1 Ceterum urbis quae domui supererant в. Ceterum urbis quae domus perierant; 44,6 aut flammandi, atque в. aut flamma usti, alique; 45,6 persimplici victu в. per simplicem victum; 51,1 accendere et arguere в. accendere et urguere; 55,1 quae audierat conjectaverat docet в. quae audierat *aut* conjectaverat, docet; 58,3 laetatum erga conjuratos в. clam actum erga conjuratos; 68,3 in crimine traheretur в. in crimen attraheretur XVI, 12,3 Iunius в. Iulius; 26,3 quem perornavisset в. quem semper ornavisset.

Если мы прибавимъ къ этому, что Фюрно не послѣдовалъ за Гальмомъ въ перемѣнѣ заглавія и удержалъ заглавіе *Annales*, и что каждая глава у него, кромѣ обычнаго въ изданіяхъ счета строкъ по пяткамъ, имѣеть, въ видахъ облегченія справокъ, свое особое подраздѣленіе, каковое мы и отмѣчали въ только-что приведенныхъ мѣстахъ, представляющихъ отступленіе отъ Гальмова текста, то нами сказано все, касающееся вида, въ какомъ является у Фюрно текстъ важнѣйшаго произведенія Тацита.

Какъ и слѣдовало ожидать отъ англійскаго издателя, текстъ *Литотисси* снабженъ богатымъ комментариемъ. Комментарій этотъ чисто англійскаго характера. Онъ широкъ на столько, чтобы не оставить

ни одного, требующаго вниманія, мѣста безъ объясненія со стороны ли формы слова, со стороны ли его особеннаго значенія, или по отношенію къ даннымъ хронологическаго, историческаго, географическаго и вообще такъ называемаго реальнаго свойства. Но при этомъ онъ составленъ такъ, чтобъ въ немъ не было ничего лишняго, не служащаго къ дѣйствительному разъясненію текста, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ, чтобы въ немъ было все, что нужно и безъ чего пониманіе мѣста было бы не полно и не отчетливо. Это не есть *commentarius perperuus*, гдѣ ничего не оставлено безъ такого или другаго истолкованія, каковъ комментарий въ изданіяхъ Руперти; но и не, такъ сказать, отрывочный комментарий новѣйшихъ нѣмецкихъ изданій, гдѣ обращается вниманіе на то или другое слово, на ту или другую фразу не потому, чтобы именно отъ краткаго поясненія этого слова или этой фразы зависѣло вѣрное пониманіе текста въ данномъ мѣстѣ, а потому, что толкователь выбираетъ для поясненія лишь то, что требуетъ поясненія съ его (а не читателей) точки зрѣнія. Таково, напримѣръ, Дрэгерово изданіе *Льтописи* Тацита, комментарий къ которому, не смотря на его авторитетность, совсѣмъ недостаточенъ для школы (изданіе Дрэгера называется „*Schulausgabe*“), если только въ школѣ требуется не поверхностное пониманіе Тацита. Образцовымъ нѣмецкимъ изданіемъ *Льтописи* Тацита по отношенію къ комментарию служитъ изданіе Нинпердеа. Но изданіе Фюрно далеко превосходитъ полнотою—не въ смыслѣ пространности, а въ смыслѣ обилія объясненій—это прекрасное и дѣйствительно образцовое по авторитетности объяснительныхъ данныхъ изданіе, будучи богаче его и параллельными мѣстами, и новыми данными, заимствованными изъ спеціальной литературы. Переводя Тацита въ то время, когда втораго тома изданія Фюрно еще не было, я сразу почувствовалъ, какого важнаго пособия я лишился, начиная съ XI книги *Льтописи*. Но при этомъ обилии объясненій изданіе Фюрно отличается такою точностью приводимыхъ данныхъ и осмотрительностью въ ихъ приведеніи, какъ и самыя строгія въ научномъ отношеніи изданія при ихъ меньшемъ объемѣ и содержаніи.

Но какъ ни обширны „Введенія“, составленныя Фюрно къ обоямъ томамъ изданной имъ *Льтописи*, какъ ни очевиденъ исчерпывающій характеръ его комментарія, всеѣмъ этимъ однако не ограничился англійскій ученый, чтобъ доставить своимъ читателямъ возможно обстоятельное знакомство съ Тацитомъ и возможно точное его пониманіе. Онъ прибавилъ къ комментарию еще нѣсколько особыхъ дополненій

(*appendices*), которыя помѣстилъ вслѣдъ за нѣкоторыми изъ книгъ *Литотисси*. Такъ, ко II-й ея книгѣ приложенъ отрывокъ въ 22¹/₂ стиха изъ поэмы Педона Альбинована, приводимый риторомъ Сенекой (*Suas. I, 14*), въ которомъ идетъ рѣчь о крушеніи въ Нѣмецкомъ морѣ флота Германика, везшаго римскихъ солдатъ послѣ побѣды ихъ на сѣверѣ Германіи, о чемъ разказано у Тацита въ *Ann. II, 23—24*. Приведеніемъ этого отрывка англійскій издатель хотѣлъ представить образчикъ современнаго событію литературнаго матеріала, которымъ могъ воспользоваться Тацитъ въ своемъ описаніи несчастія, постигшаго побѣдоносное войско. Изъ III-й книгѣ, въ которой (гл. 25—28) говорится объ извѣстномъ законѣ противъ безбрачія, *lex Papia Poppaea*, Фюрно, послѣ замѣтки относительно поводовъ къ закону *de maritandis ordinibus* и его исторіи, привелъ по Гейнекцію сохранившіеся отрывки этого важнаго законодательнаго акта времени Августа. За V-ю книгой или, лучше, за отрывкомъ въ 5 главъ, ее представляющимъ, слѣдуетъ „*appendix*“, въ которомъ излагаются вкратцѣ событія, разказанныя въ потерянной части этой книги. Точно также сдѣланы три приложенія и къ книгамъ втораго тома. Первое—къ XI-й книгѣ, въ которомъ данъ сохранившійся въ Лионѣ на бронзовой таблицѣ отрывокъ рѣчи Клавдія въ пользу дарованія заальпійскимъ галламъ (*Gallia Comata*) права на занятіе почетныхъ должностей въ Римѣ и сравненіе текста подлинной рѣчи съ перифразомъ Тацита (гл. 24). Второе приложеніе сдѣлано къ XV-й книгѣ, къ поясненію ея 44 главы, содержащей въ себѣ одно изъ самыхъ важныхъ мѣстъ всей *Литотисси*, именно разказъ о преслѣдованіи Нерономъ христіанъ послѣ знаменитаго римскаго пожара 64 г. по Р. Хр. Приложеніе это такъ и озаглавивается: „О Нероновомъ преслѣдованіи христіанъ“, при чемъ авторъ выставляетъ, какъ главное пособие, специальное изслѣдованіе К. Ф. Арнольда: „*Die Neronische Christenverfolgung*“ (Leipzig. 1888). Третье приложеніе сдѣлано къ XVI-й книгѣ. Оно заключаетъ въ себѣ лишь краткое изложеніе событій, о которыхъ говорилось въ потерянной части этой книги и которыя должны были заключиться смертію Нерона и вступленіемъ въ управленіе Гальбы. Наконецъ, въ интересахъ ближайшаго пониманія текста Тацита, ко второму тому приложена карта Арменіи съ прилежащими къ ней странами. Все изданіе заключается двумя указателями, изъ которыхъ первый есть „историческій указатель къ тексту“, а второй есть указатель къ „Введеніямъ“, приложеніямъ и примѣчаніямъ.

Предыдущими строками, можно надѣяться, дано достаточное понятіе о характерѣ оксфордскаго изданія *Литотиси* Тацита. Читатель знаетъ теперь, чѣмъ по своему плану и составу это изданіе отличается отъ другихъ ученыхъ изданій знаменитаго римскаго историка. Но все-таки мы обрисовали характеръ изданія лишь общими чертами, почти совсѣмъ не останавливаясь на его внутреннихъ подробностяхъ. Мы указывали, правда, на то, какими, сверхъ основныхъ матеріаловъ, учеными пособіями пользовался англійскій филологъ, въ обработкѣ того или другаго вопроса, привели также отступленія въ давасмомъ имъ текстѣ Тацита отъ текста извѣстнаго критическаго изданія Гальма, но еще не входили ни въ какія подробности относительно того, какъ Фюрно обращается съ самимъ текстомъ Тацита, какъ онъ объясняетъ его своимъ читателямъ. Показать это необходимо хотя бы на одномъ примѣрѣ.

Примѣра этого искать нечего: въ настоящую минуту онъ самъ собою навязывается.

Въ русскихъ ученыхъ кружкахъ недавно было возбуждено довольно живое вниманіе къ одному ученому спору. Споръ этотъ происходилъ въ Кіевѣ на страницахъ тамошнихъ ученыхъ изданій: *Трудовъ Кіевской Духовной Академіи* и *Университетскихъ Извѣстій*. Поводомъ къ нему послужила публичная лекція профессора Кулаковскаго, одного изъ представителей классической филологіи въ университетѣ св. Владиміра, на тему, озаглавленную имъ такъ: „Христіанство и римскій законъ въ теченіе двухъ первыхъ вѣковъ“. Лекція была читана въ декабрѣ 1891 года и тогда же появилась въ мѣстномъ органѣ университетской науки, равно какъ и вышла отдѣльной брошюрой, помѣченной 1892 годомъ. Лекція, въ которой отвергалось гоненіе римскою властью христіанства, какъ религіи, и высказывалось, что „принципъ религіозной нетерпимости проведенъ былъ въ государственный строй *христіанскими* императорами древняго Рима“ и что до этого принципа древній міръ „не могъ дойти безъ помощи христіанства“, — не могла найти сочувствія въ средѣ русскихъ богослововъ и лицъ, специально занимающихся исторіей церкви, хотя лекторъ и являлся въ данномъ случаѣ представителемъ направленія, господствующаго въ современной наукѣ. Въ *Трудахъ Кіевской Духовной Академіи* 1892 г. появилась рѣзкая полемическая статья, въ которой на 214 страницахъ доказывалась съ одной стороны неправильность взгляда университетскаго лектора, съ другой — полное незнакомство его съ

предметомъ, которому посвящена была лекція. Проф. Кулаковскому приходилось защищаться, защищаться не только какъ лицу, трактовавшему на тему, не входящую въ кругъ его ближайшихъ занятій, но и какъ филологу, неправильно передававшему по-русски латинскіе тексты. Защищаясь, онъ въ свою очередь также дѣлалъ нападенія, въ которыхъ указывалъ и на то, что противники его незнакомы съ новыми изданіями древнихъ текстовъ, относящихся къ процессамъ древнихъ мучениковъ, къ аста *martyrum*, и на цѣлѣнное пониманіе мѣстъ языческихъ писателей, говорившихъ о христіанахъ. Сюда главнымъ образомъ относится 44-я глава XV-й книги *Лѣтописи* Тацита, въ которой идетъ рѣчь о жестокихъ казняхъ, на какія были осуждены и какимъ подверглись христіане по случаю римскаго пожара. На этомъ пунктѣ мы и остановимся, тѣмъ болѣе, что 44-я глава XV-й книги Тацитовой *Лѣтописи* принадлежитъ къ интереснѣйшимъ мѣстамъ Тацита по исторической важности сообщаемыхъ въ ней данныхъ.

Для ясности дѣла приведемъ это мѣсто въ цѣлостной полнотѣ.

Сказавъ о томъ, что никакія, принятія Нерономъ, мѣры не могли отклонить народъ отъ подозрѣнія, что страшный пожаръ, опустошившій большую часть Рима, произошелъ по повелѣнію самого императора (*non... decedebat infamia, quin jussum incendium crederetur*). Тацитъ продолжаетъ: „*Ergo abolendo rumori Nero subdidit reos et quaesitissimis poenis adfecit, quos per flagitia invisos vulgus Christianos appellabat. Auctor nominis ejus Christus Tiberio imperitante per procuratorem Pontium Pilatum supplicio adfectus erat; repressaque in praesens exitibilis superstitio rursus erumpebat, non modo per Judaeam, originem ejus mali, sed per urbem etiam, quo cuncta undique atrocitas aut pudenda confluunt celebranturque. Igitur primum correpti qui fatebantur, deinde indicio eorum multitudo ingens haud proinde in crimine incendii, quam odio humani generis convicti sunt*“. Слѣдуетъ повѣствованіе объ изысканныхъ казняхъ, возбужденныхъ, по замѣчанію историка, въ населеніи жалость къ жертвамъ жестокаго тирана.

Въ виду необыкновенной исторической важности приведеннаго мѣста, легко понять, что оно съ давнихъ поръ тщательно изучалось историками церкви, историками римской имперіи и филологами, занимавшимися Тацитомъ. Каждое слово его взвѣшивалось, оцѣнивалось—одно въ историческомъ, другое въ юридическомъ, третье въ религіоз-

ломъ, четвертое въ грамматическомъ или стилистическомъ отноше-
 нияхъ, не говоря уже о филологической критикѣ самаго текста, до-
 шедшаго до насъ не въ безукоризненной правильности. Но въ общемъ
 и богословы, и историки, и филологи всегда были согласны въ по-
 нимаши какъ историческаго значенія, такъ и смысла столь важнаго
 мѣста. Если исключить Гиббона, допускавшаго, что Тацитъ пере-
 несъ на христіанъ времени Нерона предубѣжденія того времени,
 когда онъ писалъ, то-есть Траянова (по Гиббону, Адрианова, что
 не правильно) и что пострадали при этомъ іудеи зилоты, а не хри-
 стіане, то можно сказать, что до нашей поры въ ученой средѣ
 не обнаруживалось въ пониманіи мѣста Тацита о Нероновомъ гоненіи
 на христіанъ почти никакаго существеннаго разногласія. Такое раз-
 ногласіе было внесено въ этотъ вопросъ съ исторической и филоло-
 гической точки зрѣнія лишь въ началѣ семидесятыхъ годовъ однимъ
 нѣмецкимъ историкомъ, и хотя стараніе этого историка обезсилить
 мѣсто Тацита не произвело замѣтнаго вліянія ни среди историковъ,
 ни среди филологовъ, ни тѣмъ паче среди богослововъ, все-таки
 нельзя отрицать, что въ наше время не существуетъ одинаковаго
 пониманія мѣста Тацита о преслѣдованіи христіанъ Нерономъ послѣ
 римскаго пожара 64 г. по Р. Хр. Нѣтъ поэтому ничего удивитель-
 наго въ томъ, что несогласіе по отношенію къ означенному мѣсту
 проявилось и въ кіевскомъ спорѣ. Кіевская академія въ лицѣ своего
 полемиста понимала это мѣсто по старому; проф. Кулаковскій—по но-
 вому. Старое толкованіе—то, которое установлено историками церкви
 и первоклассными филологами; новое принадлежитъ посредственному
 историку Римской имперіи, выступившему въ данномъ случаѣ и въ
 качествѣ филолога.

Въ 1872 году вышла въ Берлинѣ книга г. Германа Шиллера
 подъ заглавіемъ „Geschichte des Römischen Kaiserreichs unter der
 Regierung des Nero“. Авторъ этой книги, очень учено написан-
 ной, хотя и не лишенной грубыхъ географическихъ и историче-
 скихъ ошибокъ, на которыя ему было тогда же указано критикой¹⁾,
 принялъ на себя не очень лестную задачу нападать на Тацита и
 защищать Нерона. Онъ утверждалъ, что никакаго гоненія на хри-

¹⁾ См., напримѣръ, рецензію Ниссена въ *Historische Zeitschrift* 1874, гдѣ
 на стр. 336 указывается на то, что г. Шиллеръ отнесъ понтинскія болота къ
 устью Тибра и приписалъ городу Помпеямъ греческое происхождение.

стіанъ со стороны Нерона не было, что Нерону, у котораго, по его словамъ ¹⁾, „всегда было слишкомъ открытое для страданія и радости народной массы сердце“, не было нужды оправдываться отъ обвиненія въ поджогѣ, которое было взведено на него впервые участниками Пизопова заговора, что народъ самъ, какъ это всегда въ подобныхъ обстоятельствахъ бываетъ, искалъ поджигателей, но что такими всего естественнѣе могли ему показаться ненавидимые восточные люди (*die Orientalen*), многіе изъ которыхъ содержали свои лавченки у Большаго цирка, гдѣ и начался пожаръ, что между этими восточными людьми могли быть и христіане, на которыхъ могли сдѣлать доносы іудейскіе фанатики, а также и отпавшіе отъ христіанства ого прежніе послѣдователи, въ видахъ возстановленія своей репутаціи между римлянами, что собственно о христіанствѣ тутъ и не думали, да и самое имя христіанъ въ это время было въ Римѣ неизвѣстно, что христіанство даже и не существовало еще какъ особое вѣроисповѣданіе (*keine eigentliche Confession*), что, наконецъ, Тацитъ, какъ и Светоній, также говорившій (*Nero*, 16) о казняхъ христіанъ при Неронѣ, перенесли представленіе о христіанахъ, относящееся уже ко II вѣку, на время Нерона. Что же касается до изысканнѣйшихъ казней, о которыхъ говоритъ Тацитъ, то въ нихъ цѣль ничего новаго, а высказанная будто бы народомъ къ несчастнымъ жертвамъ нероновой тиранніи жалость есть не болѣе какъ выдумка Тацита, который при этомъ имѣлъ лишь одну цѣль— „*den Nero zu belasten*“. Такого рода сужденія, поражающія своею смѣлостью и безцеремонностью обращенія съ положительными свидѣтельствами, полныя натяжекъ и ничѣмъ не оправдываемаго произвола, г. Шиллеръ старался развить и подкрѣпить въ особой статьѣ, помѣщенной имъ подъ заглавіемъ „*Ein Problem der Tacituserklärung*“ въ „*Comptes rendus de l'Académie des sciences et belles-lettres*“, изданныя въ 1877 году въ честь Моммзена почитателями послѣдняго. Тамъ, старался особенно доказать, что въ фразѣ Тацита *qui fatebantur* не можетъ быть рѣчи объ исповѣданіи вѣры, онъ самымъ рѣзкимъ образомъ оспариваетъ фактъ извѣстности имени христіанъ римскому народу при Неронѣ, называя это сообщеніе римскаго историка (*quos per fagitia invisos vulgus Christianos appellabat*) его „собственной прибавкой и анахронизмомъ“.

¹⁾ Стр. 431 указанного сочиненія: „*Nero hat stets für Leid und Freud' der Menge ein nur zu offenes Herz; wie liesse es sich erklären, dass er solch unsägliches Unglück über dieselbe brachte*“?

Шедшія въ разрѣзъ съ положительными свидѣтельствами двухъ авторитетныхъ языческихъ писателей (Тацита и Светонія), которые прямо говорили о гоненіи на *христіанъ*, а не на восточныхъ людей, съ ясными указаніями древнѣйшихъ (I и II вѣка) христіанскихъ писателей (Блимента Римскаго и Мелитона, епископа Сардскаго) ¹⁾, не говоря вообще о христіанскомъ преданіи, всегда считавшемъ Нероновы казни первымъ римскимъ гоненіемъ, чрезчуръ развязныя заявленія Герм. Шиллера встрѣчены были съ одной стороны живѣйшими возраженіями, съ другой — молчаливымъ отрицаніемъ; но не остались также и безъ послѣдователей. Особенно живыя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и серьезныя возраженія были высказаны противъ нихъ въ Зибелесомъ *Historische Zeitschrift* 1874 г. историкомъ церкви Гольцманомъ (р. 1 слд.) и извѣстнымъ филологомъ и специалистомъ въ дѣлѣ знакомства съ текстами римскихъ историковъ Гейнр. Ниссеномъ (р. 333 слд.) и въ *Zeitschrift für deutsche Theologie* 1876 года (р. 266 слд.) историкомъ первоначальной церкви Вейцзеккеромъ. Ни одинъ изъ этихъ выдающихся ученыхъ не нашелъ возможности принять и его филологическихъ толкованій, но всѣ (прямо Ниссенъ и Вейцзеккеръ) заявляютъ, что подразумеваемое дополненіе къ фразѣ *qui fatebantur* можетъ быть *se Christianos esse* ²⁾, а не *se incendium fecisse*, какъ понимаетъ Шиллеръ „nach allen Gesetzen der Interpretation“, по его бойкому выраженію. Оставлены были безъ вниманія филологическія толкованія Шиллера крупными филологами, комментаторами Тацита: Ниппердеемъ и Дрэггеромъ, переиздателемъ Ниппердеевскаго изданія *Литониси*, также специалистомъ по Тациту, Андре-

¹⁾ См. объ этомъ между прочимъ въ изслѣдованіи К. Франклина Арнольда „Die Neronische Christenverfolgung“ (Leipzig. 1888), р. 34 слд.

²⁾ Не надлежитъ будетъ привести здѣсь нѣсколько словъ изъ статьи Ниссена: „Der Verf. (то-есть, Шиллеръ) ist geneigt das Ereigniss als relativ harmlos anzusehen: wir müssen uns aber auch hier auf Schritt und Tritt gegen die philologische und historische Interpretation erklären, welche er von dem Bericht des Tacitus giebt“ (р. 339—340). Къ этому мѣсту Ниссенъ дѣлаетъ выноску: „Zu correpti qui fatebantur kann nur ergänzt werden *se Christianos esse*. Dies Geständniss oder was gleichbedeutend das Bekenntniss einer exitiabilis superstitio war in den Augen des Tacitus und seiner Zeitgenossen ein Capitalverbrechen. Man vergesse ausserdem nicht, dass die Strafgewalt des Kaisers gegenüber Provincialen rechtlich weder durch Schranken eingeengt noch an bestimmte Formen gebunden ist“...

зепомъ, иностранными комментаторами Тацита—Жакобомъ, Фюрпо и др. Послѣдовали за Шиллеромъ въ толкованіи фразы *qui fatebantur* изъ комментаторовъ Тацита третьестепенный филологъ Пфицнеръ, обнаруживающій вообще въ толкованіи Тацита не мало страннаго, изъ богослововъ Кеймъ и Арнольдъ (если онъ богословъ). Это-же толкованіе вошло и въ „*Lexicon Taciteum*“ Гербера и Грѣфа (Greef) ¹⁾. Къ числу немногихъ, принявшихъ его, принадлежитъ, какъ оказалось, и г. Кулаковскій.

Никто, разумѣется, не можетъ отрицать права у ученаго приставать къ тому или другому чужому мнѣнію, если онъ не могъ составить себѣ собственнаго мнѣнія. Но въ то же время отъ него требуется по меньшей мѣрѣ уваженіе и къ мнѣніямъ другихъ ученыхъ, особенно такимъ, которыя находятъ себѣ опору въ наиболѣе признанныхъ авторитетахъ науки. Кто до сихъ поръ представлялъ собой наибольшій авторитетъ въ толкованіи *Лѣтописи* Тацита? Ниппердей и Дрэгерь. Какъ же объяснить *qui fatebantur* Ниппердей? Вотъ какъ: „*qui fatebantur, die sich öffentlich dazu bekannten, aus ihrer Ueberzeugung kein Hehl machten, freiwillig, nicht infolge einer Untersuchung, wie correpti zeigt. Ebenso XI, 1 fateri gloriamque facinoris ultro petere*“. Теперь, какъ объяснить то же выраженіе Дрэгерь, первѣйшій знатокъ языка Тацита, авторъ капитальнаго труда „*Ueber Syntax und Stil des Tacitus*“ и еще болѣе извѣстнаго труда *Historische Syntax der lateinischen Sprache* (въ 4 частяхъ)? Вотъ какъ: „*qui fatebantur, von dem religiösen Bekenntniss, bei Plin. l. l. confitentes*“. Между тѣмъ г. Кулаковскій, нападая на своихъ противниковъ за то, что они понимаютъ *qui fatebantur* не согласно съ Шиллеромъ (а согласно съ смысломъ мѣста и толкованіемъ важнѣйшихъ филологическихъ авторитетовъ), высказывается такимъ образомъ: „Мнѣ не за чѣмъ отъ себя возражать на это неправильное, *противорѣчащее грамматикѣ и стилистикѣ*(?), толкованіе словъ Тацита. *Всякому, привыкшему читать латинскихъ авторовъ и не чуждому знакомства съ Тацитомъ, ясно, что въ фразѣ: igitur primum correpti, qui fatebantur, къ послѣднему глаголу слѣдуетъ дополнить не so Christianos esse, какъ представляеть смыслъ этой фразы мой антагонистъ, а crimen*

¹⁾ Полагаю, что я перечислилъ всѣхъ извѣстныхъ послѣдователей Шиллера въ данномъ пунктѣ.

или incendium“(?)¹⁾). Выходитъ, что даже Ниппердей, даже Дрегеръ, даже Андрезенъ, даже Ниссенъ и извѣстные историки христіанской церкви Репашъ, Гольцманъ, Вейцзеккеръ—что ужъ говорить о кievскомъ „антагонистѣ“!—не имѣютъ никакого знакомства съ Тацитомъ и совсѣмъ не привыкли читать по-латыни... Такъ, по крайней мѣрѣ, въ пылу своей полемики смотритъ на дѣло кievскій профессоръ. Какія же онъ приводитъ основанія для своего толкованія? Да никакихъ, ровно никакихъ, кромѣ того, что такъ толкуетъ Шиллеръ. Чтобъ придать, однако, сколько-нибудь вѣса своему совершенно голословному отрицанію толкованія авторитетныхъ филологовъ, онъ, заявивши, что „таково единственно возможное для филолога, а стало быть и для историка, толкованіе этого мѣста“, ссылается на бывшій „лѣтъ 15 тому назадъ“ споръ изъ-за этого мѣста въ средѣ германскихъ ученыхъ, споръ, окончившійся будто бы побѣдой толкованія, предлагаемаго Шиллеромъ и принятаго имъ, г. Кулаковскимъ. Но кто же въ этомъ спорѣ поддерживалъ Шиллера? Г. Кулаковскій приводитъ какъ участниковъ спора, кромѣ самого Шиллера, только Гольцмана и Ниссена. Но вѣдь и Гольцманъ и Ниссенъ были *противники*, а не защитники Шиллера. Быть не можетъ, чтобы это было не извѣстно г. Кулаковскому. А если такъ, то гдѣ же въ ссылкѣ на этотъ споръ доказательство торжества Шиллера? Можно ли до такой степени увлекаться въ полемикѣ? Впрочемъ, въ принятіи Шиллерова толкованія г. Кулаковскій у насъ стоитъ, повидимому, не одиноко. Въ выноскѣ на той же страницѣ онъ ссылается на рецензію моего перевода Тацита, напечатанную въ *Филологическихъ Запискахъ* 1890 г. профессоромъ Зѣлинскимъ, котораго онъ тутъ же аттестуетъ „однимъ изъ авторитетныхъ нашихъ *классиковъ*“, и который, какъ отсюда можно заключить, одинаковаго мнѣнія съ профессоромъ Кулаковскимъ. На сколько сильна поддержка, оказанная Шиллеру профессоромъ Зѣлинскимъ, сказать не могу, такъ какъ рецензіи его на мой переводъ Тацита не читалъ, но что она не могла быть очень сильною, въ этомъ для меня уже по сущности самого дѣла не можетъ быть сомнѣнія.

Теперь возвратимся къ Фурно.

¹⁾ Христіанская церковь и римскій законъ и пр. Отвѣтъ на „Нѣсколько замѣчаній“, помѣщенныхъ въ *Трудахъ Кievской Духовной Академіи*. Кievъ, 1892, стр. 26. Дѣлаю ссылку на отдѣльный оттискъ, такъ какъ лишь этотъ послѣдній находится у меня подъ руками.

Англійскій издатель разбираетъ вопросъ о Нероновомъ гоненіи на христіанъ въ специальномъ приложеніи къ XV книгѣ *Интотисис*, какъ объ этомъ было сказано выше. Но намъ нѣтъ нужды входить въ обсужденіе этого вопроса во всей цѣлости; мы должны лишь указать, какъ толкуетъ Фюрно спорныя мѣста Тацитова разказа. Но и тутъ мы ограничимся двумя мѣстами: *quos per flagitia invisos vulgus Christianos appellabat* и *igitur primum correpti qui fatebantur*, около которыхъ по преимуществу вертится полемика Шиллера, извратившая значеніе Тацитова разказа о Нероновомъ гоненіи на христіанъ и нашедшая, какъ мы видѣли, у насъ себѣ сочувствіе.

Vulgus Christianos appellabat. Фюрно не находитъ основаній даже вступать въ полемику съ Шиллеромъ относительно того, что будто бы имя христіанъ не было извѣстно во время Нероновыхъ казней 64 г. по Р. Хр., и что сообщеніе Тацита объ этомъ есть „анахронизмъ“¹⁾. Онъ прежде всего замѣчаетъ, что Тацитъ хочетъ сказать, что сама христіане еще не называли себя этимъ именемъ, но что они уже такъ назывались среди простаго народа. При этомъ дѣлается ссылка на Приложение, о которомъ по отношенію къ данному мѣсту мы скажемъ ниже. Затѣмъ слѣдуетъ указаніе на происхожденіе имени христіанъ изъ Антиохіи съ ссылкой на *Дьянія Апостольскія* XI, 26, гдѣ дѣйствительно прямо говорится, что ученики Варнавы и Савла въ первый разъ стали называться христіанами (*χριστιανοὶ τὰ κρῆτων ἐν Ἀντιοχείᾳ τοὺς μαθητὰς Χριστιανοὺς*). Указываемое въ *Дьяніяхъ Апостольскихъ* происхожденіе имени христіанъ Фюрно сопоставляетъ съ мѣстомъ Свиды (*Χριστιανοί*), гдѣ имя христіанъ приводится въ связь съ назначеніемъ туда ап. Петромъ въ управители церкви Эводія, и говорится, что при немъ послѣдователи Христа, называвшіеся прежде назарейянами и галилеянами, стали называться христіанами, а это назначеніе Эводія относится по Иерониму (Примѣч. къ хроникѣ Эвсевія) къ 798, то-есть, къ 45 году по Р. Хр. Приведши эти положительные свидѣтельства въ кратчайшей формѣ (въ моемъ изложеніи распространенной), Фюрно ограничивается далѣе въ примѣчаніи къ разбираемому

¹⁾ Вслѣдъ за Шиллеромъ и проф. Кулаковскій повторить: „Это утвержденіе Тацита есть очевидный (?) анахронизмъ, ибо въ ту пору имя Христіанинъ не было извѣстно римской черни“ (тамъ-же, стр. 25) Можно подумать, что у г. Кулаковского, такъ смѣло вступающаго въ бой съ Тацитомъ, находится цѣлый арсеналъ аргументовъ въ запасѣ. Но къ удивленію, у него нѣтъ ничего, кромѣ ссылки на Шиллера, и при томъ самой скромной: „Schiller, Ein Problem der Tacituserkklärung“, при чемъ нѣтъ даже указанія страницы.

мѣсту лишь заявленіемъ, что образованіе *Christianus* отъ *Christus* стоитъ въ согласіи съ употребленіемъ такого словообразованія въ латинскомъ языкѣ (*Augustiani*, какъ въ *Ann. XIV, 5, Tertullianus* и др.), хотя вмѣстѣ съ Арнольдомъ и допускаетъ возможность происхожденія этой формы отъ азіатскихъ грековъ, у которыхъ окончаніе—*ianos* было употребительно для обозначенія имени членовъ партіи или послѣдователей чьего-либо ученія (*Συμμαχιοί, Μελανδριανοί, Σηβαστιανοί, Βιολειδισανοί*)¹⁾.

Это столь содержательное примѣчаніе состоитъ всего изъ 16 полустроковъ. Фюрно добавляетъ его въ Приложеніи (*Appendix II*) слѣдующими соображеніями и данными. Допускаетъ, что Тацитъ не имѣлъ совершенно яснаго представленія о разницѣ между іудеями и христіанами, англійскій ученый замѣчаетъ, что положительное утвержденіе Тацита объ извѣстности имени христіанъ народу въ Римѣ въ то время, о которомъ онъ писалъ, принадлежитъ къ такимъ, котораго не сдѣлалъ бы ни одинъ осмотрительный историкъ, еслибы не нашелъ его въ современныхъ событіяхъ источникахъ, касающихся при этомъ обстоятельство столь громкой извѣстности. Нѣтъ никакой невѣроятности въ томъ, что при живыхъ сношеніяхъ Рима съ Малой Азіей, при давно начавшемся приливѣ переселенцевъ въ Римъ изъ Антиохіи, о чемъ Ювеналъ такъ картинно говоритъ въ стихѣ (3, 62): *Jampridem Syrus in Tiberim defluxit Orontes*, ко времени римскаго пожара могло быть принесено оттуда имя христіанъ, уже около 20 лѣтъ бывшее въ употребленіи въ Антиохіи, уже употреблявшееся какъ укоризненное слово на Востокѣ²⁾ и ставшее спустя нѣсколько лѣтъ послѣ этой даты видимо знакомымъ въ Помпеяхъ³⁾. Христіанская секта, продолжаетъ Фюрно, могла быть, какъ думаетъ, повидимому, Тацитъ,

¹⁾ См. *Arnold*, p. 54. Но еще раньше указалъ на это Липсіусъ въ своемъ изслѣдованіи: *Ueber den Ursprung und früheren Gebrauch der Christennamen* (Leipz. 1873).

²⁾ Фюрно ссылается въ этомъ случаѣ на 1-е посланіе ап. Петра къ азіатскимъ христіанамъ, гдѣ (IV, 16) говорится: *εἰ δὲ ὁ; Χριστιανὸς; (πάσχει), μὴ αἰσχυρίζεσθε*, и на нѣсколько презрительное употребленіе этого имени Агриппой въ обращеніи къ ап. Павлу (Дѣянія Апостольскія, XXVI, 28). Такимъ образомъ, предполагая, что это имя не употреблялось въ то время еще въ самой христіанской общинѣ, Тацитъ—заключаетъ Фюрно—находится въ полномъ согласіи съ свидѣтельствами Новаго Завѣта.

³⁾ Объ этомъ свидѣтельствуемъ надпись съ словомъ *CHRISTIAN..*, изданная въ *C. I. L. IV, 679* и теперь утраченная.

больше известна простому народу, чѣмъ правительству, хотя оно и могло получить о ней понятіе не позже 810 г. (57 г. по Р. Хр.), по дѣлу о знатной дамѣ, Помпоніи Грецинѣ, обвиненной въ принадлежности къ *superstitio externa* и отданной на судъ ея мужа (см. Тацитъ *Ann.* XIII, 32). Эта *superstitio externa*, судя по образу жизни Помпоніи, описываемому Тацитомъ, было, какъ обыкновенно думаютъ, христіанство. Есть, наконецъ, основаніе предполагать, что во время осады Титомъ Іерусалима высшіе римскіе офицеры знали, что христіанство, хотя оно іудейскаго происхожденія и связано (какъ они думали) съ іудейской національностью, не только отлично отъ юдаизма, но и совершенно противоположно ему. Это можно заключить изъ словъ христіанскаго писателя IV вѣка Сульпиція Севера, который, воспользовавшись Тацитомъ въ разказѣ о Нероновыхъ казняхъ, по всей вѣроятности, держался того же источника, въ данномъ случаѣ *Исторій* (V кн.), когда приводитъ (*Chron.* II, 30, 6—8) слѣдующее мѣсто о военномъ совѣтѣ, на которомъ обсуждался вопросъ о разрушеніи Іерусалимскаго храма: „alii et Titus ipse, evertendum templum inprimis censebant, quo plenius Judaeorum et Christianorum religio (у Тацита должно было быть *superstitio*) tolleretur; quippe has religiones (по Тациту, *superstitiones*), licet contrarias sibi, iisdem tamen auctoribus profectas; Christianos ex Judaeis existisse, radice sublata, stirpem facile perituram“.

Кажется, достаточно данныхъ, что терминъ *Christiani* по отношенію къ Нерововому времени никакъ не можетъ называться „анахронизмомъ“. Напротивъ, въ виду положительныхъ данныхъ, въ которыхъ языческіе писатели Тацитъ и Светоній ¹⁾ оказываются совершенно согласными со свидѣтельствами Новаго Завѣта, удивительна смѣлость упрека Шиллера Тациту въ анахронизмъ его словоупотребленія, хотя еще удивительнѣе легкость, съ какою произвольныя утвержденія нѣмецкаго ученаго безъ всякой повѣрки принимаются русскими учеными. Англійскій ученый можетъ служить примѣромъ, какъ слѣдуетъ обращаться съ текстами древнихъ писателей.

Перейдемъ теперь къ объясненію другаго мѣста.

Primum correpti qui fatebantur. Фюрно начинаетъ объясненіе совершенно научнымъ заявленіемъ, что этими словами только говорится:

¹⁾ Вотъ свидѣтельство Светонія (*Nero*, 16): *afflicti suppliciiis Christiani, genus hominum superstitionis novae ac maleficae.*

были сперва привлечены къ суду (ср. III, 28; XII, 41 и др.) тѣ, которые принимали обвиненіе (ср. XI, 1 и др.); но изъ этого еще не слѣдуетъ необходимо, что принимаемое ими обвиненіе было обвиненіе въ поджогѣ. Такіе явные поджигатели, какъ о нихъ говорилось въ 38 главѣ XV книги, если о нихъ и могло быть въ такомъ случаѣ сказано „*fateri incendium*“, едва ли здѣсь могутъ имѣться въ виду; но еще менѣе было бы вѣроятно, чтобы какіе-нибудь другіе люди, даже религиозные энтузіасты, все еще дѣлали (какъ этого требуетъ время глагола) открытое признаніе въ совершеніи этого преступленія, за которое ихъ стали преслѣдовать спустя лишь нѣкоторое время. То правда, конечно, что объ открытомъ исповѣданіи христіанства обыкновенно говорится *profiteri* (какъ въ Hist. IV, 40: *Synicam sectam professo*), а не *fateri*. Но это затрудненіе исчезаетъ, если предположить, что христіане, какъ корпорація, уже клеймились нѣкоторыми дурными людьми именемъ поджигателей, такъ что вопросъ, христіанинъ ли извѣстное лицо, заключалъ въ себѣ существеннѣйшую часть обвиненія противъ него. Выраженіе *fatebantur* могло быть также употреблено съ тѣмъ же значеніемъ, какъ въ письмѣ Плинія къ Траяну (96 3): *interrogavi ipsos, an essent Christiani. Confitentes iterum et tertio interrogavi... neque enim dubitabam, qualecumque esset, quod faterentur etc.*

Къ этому простому, естественному и строго научному объясненію мѣста въ примѣчаніи, объясненію, при которомъ, очевидно, были взяты во вниманіе и филологическія комбинаціи Германа Шиллера, но которое съ толкованіемъ этого послѣдняго рѣшительно расходится, Фюрно прибавляетъ нѣсколько строкъ въ *Приложеніи* (онъ указываетъ на нихъ ссылкой въ примѣчаніи на страницу 580). Здѣсь онъ позволяетъ себѣ вывести изъ разказа Тацита заключеніе, что лишь небольшая часть представителей христіанской общины въ Римѣ открыто признавала себя исповѣдующими христіанство (*qui fatebantur*) и что лишь подъ давленіемъ жесточайшихъ пытокъ нѣкоторые изъ этихъ открытыхъ христіанъ согласились выдать другихъ членовъ общины. Кто знаетъ, — продолжаетъ Фюрно, какія улики считаются достаточными при комедіи суда въ такія времена общественнаго возбужденія, тотъ легко пойметъ, что уже одна принадлежность къ обществу „ненавистниковъ человѣческаго рода“ могла казаться достаточнымъ доказательствомъ участія въ поджогѣ на судилищѣ, въ которомъ предсѣдательствовалъ, можетъ быть, городской префектъ Тигеллианъ или и самъ Неронъ съ Тигеллиномъ подъ бокомъ. Нѣтъ поэтому ничего насильственнаго въ предположеніи, что Тацитъ, при всемъ своемъ

нерасположеніи къ христіанамъ, виновность которыхъ въ дурныхъ дѣлахъ (но не въ поджогѣ), по его мнѣнію, не подлежатъ сомнѣнію, сочувствуетъ жалости народа къ несчастнымъ христіанамъ при видѣ страшныхъ казней, производившихся не въ видахъ общественной пользы, а въ удовлетвореніе жестокости одного человѣка.

По нашему мнѣнію, почтенный англійскій ученый, труду котораго посвящены эти строки, можетъ служить для русскихъ филологовъ высокимъ образцомъ того, какъ надобно обращаться съ древними текстами и какъ слѣдуетъ быть осмотрительными въ сужденіяхъ¹⁾.

В. Модестовъ.

¹⁾ По поводу статьи В. И. Модестова мы считаемъ необходимымъ сдѣлать нѣкоторыя оговорки. Читателямъ ея можетъ показаться, что упреки по адресу проф. Кулаковскаго, касаясь одной частности, все таки служатъ продолженіемъ и подтверженіемъ извѣстныхъ обвиненій римской полемики, о которыхъ здѣсь говорится на стр. 337 и слѣд. Мы, съ своей стороны, никакъ не желали бы, чтобы утвердилось представленіе о такой хотя бы и косвенной солидарности. Въ двухъ главныхъ пунктахъ, возбуждавшихъ неудовольствіе въ средѣ русскихъ (нѣкоторыхъ?) богослововъ, какъ эти пункты формулированы на стр. 337, мы не находимъ ничего ужаснаго ни съ научной вообще, ни съ богословской точки зрѣнія. Проф. Кулаковскій въ своей лекціи отвергалъ гоненіе римскою властью христіанства какъ *realis*. Рѣчь шла, конечно, объ юридическихъ или формальныхъ основаніяхъ преслѣдованія христіанъ. Это старый вопросъ, поставленный съ одной стороны Плиніемъ, который спрашивалъ Траяна, слѣдуетъ-ли считать преступнымъ самое имя христіанъ или же только наказывать преступленія (мнимыя), связанныя съ именемъ, а съ другой стороны—Тертуліаномъ, который писалъ, что христіанъ считаютъ виновными въ святотатствѣ и оскорбленіи величества и что въ этомъ заключается вся сущность дѣла. Здѣсь нѣтъ мѣста для обзорнаго новой литературы по данному вопросу. Но какъ бы онъ ни рѣшался, онъ нисколько не затрагиваетъ ни чести, ни славы, ни святости христіанскихъ мучениковъ. Ни проф. Кулаковскій, ни кто другой не думали отрицать ихъ существованія; что бы тамъ ни было, какова ни была точка зрѣнія римскихъ властей, сами-то христіане страдали за свои религиозныя убѣжденія, за свою вѣру, за Христа. Далѣе, если проф. Кулаковскій все-таки несомнѣнную общую толерантность римской государственной власти по отношенію къ христіанству объясняетъ, съ одной стороны, *meritum* національной римской религіи (выраженіе, можетъ быть, не совсѣмъ удачное), съ другой стороны—высокомѣрнымъ и презрительнымъ равнодушіемъ государства и общества, то понятно, что въ его словахъ о происхожденіи позднѣйшей нетерпимости христіанскихъ императоровъ прежде всего заключается отрицаніе въ христіанствѣ такихъ качествъ мертвенности и равнодушія. Извѣстно, что обыкновенно говорится въ объясненіе, почему только въ христіанскій періодъ могла появиться настоящая религиозная нетерпимость, преслѣдующая самую мнѣнію и вѣрованія. Только христіанство не знало ограниченній національности и племени, только оно сознавало за собою обладаніе абсолютною

истиною, только оно вѣрило въ единую спасающую церковь, только христіанская любовь сдѣлала обязательною заботу о спасеніи души ближняго и т. д. Самыя высшія идеи не бываютъ обезпечены противъ искаженія и злоупотребленія.... Наконецъ, никакъ нельзя было говорить о полномъ незнакомствѣ проф. Кулаковскаго съ предметомъ его лекціи: напротивъ, онъ и въ лекціи и въ полемикѣ показалъ вполне достаточную компетентность для трактованія вопроса, близко соприкасающагося съ кругомъ его ближайшихъ занятій. Болѣе важныя пробѣлы знанія обнаружались не на его сторонѣ. Переходя затѣмъ къ толкованію мѣста Тацита, мы должны замѣтить, что оно не играло важной роли въ кievской полемикѣ и что замѣчаніями прое. В. И. Модестова все-таки не устранена возможность такого объясненія, какого держался г. Кулаковскій. Если г. Кулаковскій и погрѣшилъ нѣкоторою излишнею живостью и рѣшительностью выраженій, рекомендуя толкованіе Шиллера, то, конечно, онъ при этомъ вовсе не думалъ ни о Пиппердеѣ, ни о Ниссонѣ. Въ свою очередь проф. Модестовъ, можетъ быть, слишкомъ понижаетъ значеніе книги и статьи Шиллера и напрасно помѣщаетъ Гольцмана въ число его рѣшительныхъ противниковъ. Но объ этомъ приличнѣе будетъ поговорить при другомъ случаѣ.

Ред.